

Глава XV. ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРОФСОЮЗОВ

В июне под председательством Максима Горького открылся съезд текстильных профсоюзов.

Это съезд тружеников. Вопросы, которые будут разрешаться на нем, должны быть важны и для меня, думалось мне. И вместе с товарищами Аршиновым, Масловым и другими я пошел на его заседание, надеясь увидеть там и услышать виднейших социалистов.

Действительно, у стола президиума этого съезда сгруппировался лучший цвет проживавших в то время в центре бумажной революции социалистов. Они выступали один за другим, говорили, махали руками, кричали один сильнее и лучше другого. Лишь обиженный лидер центра социал-демократии, гражданин Мартов, который много и временами, помню, мне так казалось, неискренне, но дельно говорил, лишь он, этот непримиримый враг Ленина, как ни надувался выкрикнуть громче и сильнее, чтобы как можно ярче оттенить в своей речи то, что, видимо, считал самым важным, лишь он бессилён был кричать. Его хриплый голос не позволял ему сравняться с гораздо менее крупными и по мысли, и по ее выражению ораторами. Он махал руками, кряхтел, сопел, но остался мало услышанным, мало понятным, по крайней мере задними колоннами делегатов и простых посетителей съезда. Кроме того, специально большевиками мобилизованные свистуны своим демонстративным шумом и свистками мешали делегатам слушать этого маститого правоверного социал-демократа меньшевика. Правда, эта специально мобилизованная большевиками шайка демонстрантов мешала делегатам выслушивать не только социал-демократических меньшевистских ораторов, но и левоэсеровских, и даже большевистских. По крайней мере, я был очевидцем того, как один из ораторов-большевиков (не помню точно его фамилию) выступил и уже чуть не на половине речи был заглушен свистком. Этот свисток имел большие шансы быть подхваченным и пополненным другими свистками, если бы свистун не был своевременно одернут и предупрежден (видимо, специальным руководителем шайки), что-де «речь двигает наш, большевик!».

Все вопросы, какие съезд текстильных профсоюзов съехался обсудить, а также и решения по ним меня, крестьянина-революционера, и радовали, и в то же время угнетали.

Радовали они меня тем, что по ним я видел в пролетариях города понимание их трудовых интересов и целей, связанных с этими интересами. По ним можно было убедиться, что боевой фронт городских пролетариев растет, что намечаемые ими пути социальных

достижений уже вполне могут быть предохранены от покушения на них со стороны новой государственной политической власти и что благодаря этому можно питать надежду, что революцию, столь во многом уже обкарнанную во имя государственности и в противовес свободной общественности двумя господствующими в стране политическими партиями, революционные пролетарии могут еще спасти.

Угнетало же меня в вопросах и решениях съезда то, что я не видел на нем выражения прямой воли представленных здесь пролетариев. Мне лично казалось, что, хотя вопросы съезда и разрешались самими как будто пролетариями и именем их класса, кровно заинтересованного в них, они все-таки разрешались под влиянием воли и интересов политических партий, которые каждая по своему и в своих партийных интересах истолковывала перед пролетариями их цели и обязанности в смысле строительства социалистического государства, со всеми его многочисленными органами власти. А это резко отмежевывало всегда и отмежевывает теперь городских пролетариев от трудового, не эксплуатирующего чужого труда крестьянства, которое все определеннее и резче проявляет в своей практической жизни оппозицию к власти, к ее претензиям выдумывать и писать для него законы.

Без тесного сотрудничества с крестьянством властолюбивому городу и заражающему поневоле его властолюбием городскому пролетариату самому не построить новой свободной общественной жизни. Эта истина уже подтвердилась на опыте даже при условии, когда вместо строения подлинного социалистического общества строилось полусоциалистическое, полукапиталистическое государство, каким, в сущности, являлось под именем «государства диктатуры пролетариата» государство большевистско-левоэсеровского блока. Это государство взяло на себя руководство социально-общественным строительством, что не требовало от пролетариев ни самостоятельности и инициативы, ни здорового трезвого ума и соответственного организационного подхода к общественному делу. За них подходили к нему по рецепту буржуазного государства большевики и левые эсеры. Пролетариям же оставалось лишь выполнять то, что говорили большевики и левые эсеры.

И если даже при таком урезанном порядке вещей город без деревни не мог ничего широкого и плодотворного начать и с успехом закончить, то при подлинном и полном социалистическом строительстве городские пролетарии без прямого братского содружества с трудовым, не эксплуатирующим чужого труда крестьянством, засосутся омутом государственных доктрин, которые крестьянство не признает, и в долгих муках недостатка самого главного — сырья и пищи — принуждены будут или во многом отказаться от государственности, или же пойти против крестьянства, извратить идеи социализма и предаться своему исконному врагу — буржуазии. Это во-первых.

Во-вторых, подчинение пролетариев как класса каким бы то ни было политическим партиям, которые никогда не имеют в виду подчинить свои политические цели экономическому освобождению пролетариев, отдает их, пролетариев, в распоряжение этих партий на самое позорное издевательство во всех отношениях: и в экономическом, и в политическом, и в моральном.

Отсюда в наиболее политически развращенных уже пролетариях зарождается мысль о борьбе не за полное экономическое и политическое освобождение их класса, а за смену ролей на пути политического господства одного класса над другим.

- Мы осуществили диктатуру пролетариата! — выкрикивали некоторые ораторы на съезде текстильных профсоюзов. -И мы вправе сказать врагам своим, чтобы они замолчали, ибо воля пролетариата их сокрушить...

Видимо, эти безответственные крикуны, а с ними и их соперники — пролетарии с мест и не думали о том, что созданием этой диктатуры они разбивали единство своего классового трудового организма на пользу не революции, а врагам ее. Они не думали о том, что в недалеком будущем им самим придется бороться против подобного распыления трудовых сил. На это их толкнет само существо власти — «диктатуры пролетариата», которую они по своему невежеству создали и против которой, можно ожидать, окажутся долгое время бессильными бороться реальными средствами, чтобы заменить ее чем-то другим, более соответствующим, которое отвечало бы идеям трудящихся, этого авангарда человечества, который создал все богатства мира и должен ими пользоваться свободно, и в зависимости от потребностей, а не затрачивать снова своих сил на то, чтобы оплатить их еще дороже.

Правда, политические партии, восторжествовавшие в русской революции, над этим менее всего задумывались. Политическая государственная власть, это юродивое шарлатанство, в котором вожди государственного социализма видят средство избавления угнетенных от экономического рабства, была в их руках. Они строили, согласно принципам своей власти, программы борьбы и жизни для тружеников, указывая последним, что, следуя только их программам, можно отыскать, понять и устранить причины рабства, нашедшего себе место в их жизни. Городские пролетарии первые бросались в объятия власти этих программ, первые стремились реализовать их в своей жизни и властвовать, управлять, согласно этим программам, своими братьями по труду — крестьянами.

Отсюда начало развиваться в более отчетливом виде то историческое недоверие крестьян к городским пролетариям, которое нам известно на протяжении всей истории. А это усиливающееся недоверие ставило под прямую угрозу Великую Русскую Революцию и все те прямые завоевания трудящихся, которыми последние начинали жить.

Таково было положение Великой Русской Революции в июньские дни 1918 года. Спрашивается, сознавали ли это положение создавшие его партии? Можно с уверенностью ответить, что нет: они его не сознавали и продолжали свою грызню из-за своего партийного престижа в трудовых массах. Лишь часть городских пролетариев и трудовое крестьянство под влиянием анархических идей спохватились, что их обманули, что за их счет правящие партии перевели революцию с пути ее прямого действия на путь правительственных декретов и этим загнали ее в тупик. Они, эти труженики, требовали простора для революции. Но их голос заглушался окриком Вильгельма Второго, который через своего посланника Мирбаха ставил препятствие развитию русской революции, угрожая и ей, и тем, кого пролетарии деревни и города по своей наивности допустили управлять ее судьбами. И партия большевиков-коммунистов во главе с Лениным и Троцким, которая в это время фактически уже брала перевес над партией левых эсеров, предпочла пойти на уступки

Вильгельму II, чем поднять выше знамя революции или по крайней мере не мешать пролетариям, заметившим, что оно поникло до земли и топчется, поднять его.

Правда, это предательское поведение партии большевиков по отношению к революции раздвинуло окончательно в большевистско-левоэсеровском блоке трещину, которая с резкой определенностью наметилась уже 3 марта 1918 года, в день заключения Брестского договора. Но, благодаря «мудрости» и особенно политическому влиянию Ленина, эта трещина искусственно склеивалась, сжималась и временами, казалось, становилась почти незаметно.

Теперь эта трещина раздвинулась окончательно, и «мудрость» Ленина становилась бессильной повлиять на главарей партии левых эсеров, чтобы еще раз склеить ее. Левые эсеры устыдились своего лакейства перед Лениным, который раньше никогда не имел такого авторитета среди российских тружеников и интеллигенции, какой имела их мать — старая, революционно-боевая партия социалистов-революционеров, мать, убитая провокатором Азефом. Теперь сироты этой матери — левые эсеры — готовы были на все, но не на то, чтобы идти за Лениным или, что еще хуже, обезличить себя в истории русской революции. Нет, они попытаются поравняться с Лениным и посчитаться с самим «ленинизмом». По крайней мере, мне это так казалось, когда я прислушивался к голосу большевистских ораторов, которые уже не скрывали того, что левые эсеры готовятся дать им бой по всем вопросам внешней политики на предстоящем V Всероссийском съезде Советов. Хотя я должен признаться, у левых эсеров шансов на успех этого боя, по-моему, не было, потому что у них не было, кроме двух-трех человек, людей, подготовленных, ну, скажем, на посты Ленина и Троцкого, заменить которых ни Спиридоновой, ни Камковым, ни тем более Штейнбергом, ни даже Устиновым, имевшим до некоторой степени ленинскую практику, в то время нельзя было. Правда, эта партия за время своего блокирования с большевиками сумела воспитать и выдвинуть из числа своих членов под идейным и практическим руководством большевика Ф. Дзержинского кадры чекистов; и такие из них, как Закс и Александров, были хорошими головами. Но разве из людей, заразившихся аракчеевской полицейщиной, могут выйти серьезные политики, какие нужны были в это время левоэсеровскому государству? Я думаю, что если этого не могли понять некоторые горячие головы среди главарей левоэсеровщины, то это понимали в ее же рядах люди с более спокойными нервами и с более трезвым умом. Эти люди, я думаю, способны были так же искренне и честно, как М. Спиридонова и Б. Камков, отстаивать против узурпации большевиков права трудящегося, угнетенного народа. Так же как Спиридонова и Камков, они могли жертвовать своим личным благополучием, даже самими собой ради лучшей жизни этого народа, но только не с такой нервозностью, не с таким до истеричности пафосом, какими обладали эти два в своем роде вождя левоэсеровщины, когда они блокировались с большевизмом-ленинизмом, когда они примкнули к управлению революционной страной, злоупотребляя доверием страны, попирая во многих случаях права революционных трудовых масс на свое свободное, трудовое и независимое от государства с его полицейщиной самоопределение.

Правда, левые эсеры не признают таким уж гнусным свое поведение по отношению революционных масс, придерживавшихся анархических идей в русле русской революции. Как говорят некоторые из них, они не признали за большевистскими лидерами — Лениным и Троцким — права на разгром 12-13 апреля 1918 года Федерации московских анархических

групп, о котором знаменитый в своем роде левоэсеровский чекист Закс по долгу своей роли в чека и партии делал ЦК партии доклад. Говорят, что Спиридонова не желала даже слушать этот доклад и якобы с возмущением покинула зал, где ЦК партии его заслушивал. Но мы хорошо знаем, что возмущаться — это одно, а действовать в согласии со своим возмущением против акта несправедливости — совсем другое. Этого действия против величайшего злодеяния чекистов и главарей партии большевиков по отношению к анархистам со стороны левых эсеров не было потому ли, что возмущение М. Спиридоновой было слабо сравнительно с другими ее возмущениями, или же потому, что левые эсеры из ЦК партии того времени, упиваясь надеждами низвергнуть большевиков и стать непосредственно у кормила власти, считали для себя удобнее официально скрыть это возмущение и перед большевиками, и перед революционной страной. И они замяли свой протест против палачей, поправших свободу и права анархистов на деятельность в революции. А между тем анархисты были наипреданнейшими сынами этой революции. Они шли всюду в ее авангарде. Правда, шли они раздробленными рядами, но первыми и честно отдавая ей эти свои раздробленные силы. Судить анархистов по тем одиночкам, которые попадали в ряды анархизма с корыстной целью и вместо работы среди трудящихся для общего дела освобождения разъезжали по стране из города в город, ничего не делая, — судить по этим одиночкам анархизм и анархистов было нельзя. И если большевистские лидеры прибегали к такой аргументации против анархистов, а левые эсеры с определенной целью обошли этот акт своих союзников молчанием, то виною в этом является та традиционная безответственность и лживость большевиков, которые ведут свое начало еще от Карла Маркса в его борьбе с Бакуниным. Хотя эти черты и известны были левым эсерам, но о них последние по «долгу» блокирования с большевиками напоминать, видимо, не могли. Не могли они говорить большевикам, чтобы они устыдились лгать на своих идейных противников и чтобы сознались, что эта ложь по отношению анархистов не может быть полезной для революции. По-видимому, лидеры партии левых эсеров думали по низвержению большевиков, по провозглашении и утверждению себя у власти над страной и над ее дальнейшим революционным развитием разобраться в этом исторически и фактически столь важном для дела революции вопросе... Но это только наше предположение, не более.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 марта 2025 01:37:03

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 марта 2025 01:37:22